

Перед премьерой

В. Федоровский

«Помощник режиссера, прошу начать репетицию» - этими словами начинается новый рабочий день коллектива драматического театра имени А. П. Чехова. В осветительных ложах погашены прожекторы, на сцене — фрагменты декораций будущего спектакля. Зачехлены серым холстом кресла и среди них, в центре зала, единственный зритель - режиссер.

Я волнуюсь как школьник перед экзаменом. Здесь на моих глазах обретает новую сценическую жизнь знаменитая чеховская «Чайка».

Ровно 80 лет назад эта пьеса была впервые поставлена на сцене петербургского Александринского театра и... провалилась. Еще никогда в своей истории русская сцена не видела такого громкого скандала. Антон Павлович ушел из театра задолго до окончания спектакля. Исполнительница роли Нины Заречной - В. Ф. Комиссаржевская горько рыдала. После премьеры она написала Чехову письмо: «Ваша, нет, наша «Чайка», потому что я срослась с ней душой навек, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит. Думайте же о своем призвании и не бойтесь жизни».

Через два года состоялась новая премьера «Чайки» в Художественном театре. К. С. Станиславский писал: «Первый акт кончился при гробовом молчании зрительного зала. Одна из артисток упала в обморок, я сам едва держался на ногах от отчаяния. Но вдруг после долгой паузы в публике поднялся рев, треск, бешеные аплодисменты».

Так началось признание гениальной чеховской пьесы.

Идет репетиция. На сцене «разводится» четвертое, последнее действие пьесы. Выстраиваются мизансцены, оттачиваются фразы, слова, интонации. Режиссер постоянно корректирует действия актеров.

- Так. Все верно, - слышится одобрение из зала, и актеры начинают работать увереннее. Краем глаза они следят за выражением лица режиссера и по нему, как по зеркалу, оценивают свою работу со стороны.

- Нет! Стоп. Нехорошо. Очень плохо! – с какой-то болезненной интонацией восклицает Владимир Станиславович Цесляк.

- А по-моему, - говорит кто-то из актеров, – это самое лучшее решение. Других просто не найти.

- Ну, так уж и не найти, - в голосе Владимира Станиславовича слышится ирония. – Есть еще семь тысяч других решений. А Мейерхольд предложил бы, наверное, не семь, а семнадцать. Вот так-то! Давайте пробовать.

И повторяется все сначала: один, второй, третий раз – и так до тех пор, пока не будет найдено то единственно верное решение, которое увидит на премьерке зритель. Нервное и физическое напряжение актеров доходит до предела, но еще труднее режиссеру. Он отвечает за все. Почувствовать, опробовать здесь же на сцене свое решение, наполнить своим чувством, пониманием актера и снова проверить.

На сцене Треплев, Маша, Медведенко, Дорн, Сорин, Полина Андреевна. Пока они без сценических костюмов и грима, но дух, атмосфера будущего спектакля уже наполняет сцену.

Треплев рассказывает о неудавшейся жизни Нины Заречной. И в этот момент Сорин вдруг начинает насвистывать какую-то мелодию.

- Правильно! - обрадовано вскрикивает в зале В. С. Цесляк. - Вот так и оставьте. Этот свист наполняет сцену траурной атмосферой. Так и должно быть: ведь вы хороните загубленную жизнь Нины.

Еще одна перемена, и на сцене появляются Аркадина, Тригорин и Шамраев. Выстраивается новая мизансцена. Тригорин здоровается с Машей, и вдруг фраза «Вы! счастливы?» неловко повисает в воздухе.

- Нехорошо... - с какой-то отрешенной задумчивостью произносит режиссер. - Психологически не оправдано. Давайте перестроим предыдущую мизансцену.

И начинаются новые поиски. Прошло уже три часа, а репетиция продолжается. Из зала по-прежнему звучит голос режиссера.

- Тригорин, найдите верный ритм. Вы гость. Вы должны заполнить собой всю сцену.

Потом выверяются музыкальные фразы: их начало и конец. Музыка соединяется с речью актеров. Создается полифоническая звуковая партитура чеховской «Чайки».

Дожидаюсь конца репетиции. И когда на сцене не остается ни одного человека, подхожу к Владимиру Станиславовичу:

- Известно много интересных мыслей о чеховской пьесе. А. М. Горький, например, писал, что «Чайка» - новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа». Каждый режиссер по-своему воспринимал этот символ, и в его авторском прочтении появлялась не иллюстрация пьесы, а «Чайка» Станиславского, «Чайка» Завадского, «Чайка» Эфроса и Ефремова. Каждый видел ее по-своему. Какой же, Владимир Станиславович, видится она вам?

- Сложность пьесы в том, - отвечает В. С. Цесляк, - что она не знает многих сценических триумфов. Каждый режиссер открывал в ней какие-то новые неизведанные чувства и мысли, но целостного, гармоничного, эталонного, если можно так сказать, спектакля создать еще никому не удавалось. «Чайка» ставилась и в нашем театре. Нынешняя же постановка - это не повторение или возобновление старого спектакля, а попытка нового ее осмысления.

Чехов писал, что в его «Чайке» пять пудов любви. И действительно, любви в пьесе уделено немало внимания. И все же это не любовная, интимная драма. Гораздо важнее в пьесе социальные проблемы, которые звучат современно по сегодняшний день. И в первую очередь это тема компромиссов в жизни и искусстве.

- Чем же будет отличаться ваш спектакль от предыдущих?

- Во-первых, попыткой нашего ее прочтения и осмысления. Во-вторых, сценографическим решением. Оформление, которое создал наш главный художник Н. Н. Ливада, не похоже ни на какое другое. В-третьих, еще никогда в истории театра роли Треплева и Нины Заречной не доверялись молодым актерам - мы, идем и на этот эксперимент.

Весь творческий коллектив понимает особую сложность стоящих перед ним задач и с большим волнением ожидает того момента, когда, наконец, прозвучит третий премьерный звонок и зрители оценят нашу работу.